

ОН РОДИЛСЯ В ПЛАМЕНИ, В ПОРОХОВОМ ДЫМУ...

Дружбе нашей не одно десятилетие. Как-то в один из вечеров зашел у нас разговор о временах давно минувших, близких к нашему детству. Владимир был старше меня всего на три года, так что в началах наших жизненных дорог, казалось, могло быть много общего. Володино и моего детства коснулась война. Но как коснулась? Очень даже по-разному. И как бы в доказательство этого мой старший товарищ достал с книжной полки небольшой томик с рассказами о детях военного времени, которые стали Героями Советского Союза. К моему удивлению, был в этой книжечке рассказ и о Володе Мамаеве, юном разведчике, сыне полка, военные подвиги которого приравнивались к героизму бесстрашных советских ребятшек, которые посмертно были удостоены самой высокой награды Родины. Володя в этой страшной войне остался жив. Может, потому и не был удостоен звания Героя, хотя боевых наград с той войны он принес предостаточно. Его наградной книжке мог бы позавидовать и самый бывалый солдат. А ведь войну он за-

кончил пятнадцатилетним парнишкой, приняв свой последний бой под Кенигсбергом (ныне Калининград), последней крепостью-цитаделью, которая пала после падения Берлина.

Спустя много лет, уже став профессиональным поэтом, Владимир Мамаев вспомнит об этом в стихотворении «Кенигсберг», посвященном поэту-фронтовику Евгению Буравлеву, получившему тяжелое ранение в бою за взятие этого города-крепости:

Кенигсберг. Сорок пятый.

Помнишь, друг мой, тот бой?

Боль и радость той даты

Не забыть нам с тобой...

У Александра Твардовского есть замечательное, а может быть, лучшее стихотворение о войне – «Я убит подо Ржевом...»

У Владимира Мамаева – прямая перекличка с этим стихом:

Мне о любви бы, о весне,

Да вот беда, не пишется.

Остался я на той войне

Под деревенькой Лышица.

Живой ли, мертвый – не понять.

Накрыло миной-шанежкой...

Наверное, не столь важно, где погиб солдат — подо Ржевом или под небольшой деревенькой Лышицей, их роднит один подвиг, одна память, их, живых и мертвых, память о тех малых и великих кровавых сражениях за мать-Отчизну. Память непроходящая, неистребимая:

Там, под огнем, равны мы были:

И генерал, и рядовой,

Перед народом и Россией,

Как перед матерью родной.

Много людских, в том числе и мальчишеских, судеб покалечила война. Но Владимир Мамаев был достойным сыном полка. Уйдя на фронт двенадцатилетним пареньком, он, конечно, недобрал в образовании, но потом у него хватило сил и характера наверстать упущенное — крепко встать на ноги, создать надежную семью, вырастить хороших детей и внуков. И еще — стать профессиональным поэтом.

Очень непросто ему это далось. Я помню его рабочим человеком. Он трудился тогда машинистом в турбинном цехе Кемеровской ГРЭС. Помню начинающим поэтом, которому с превеликим трудом давалась каждая поэтическая строка. Помню, как он скрипел зубами, когда

его постигала очередная неудача. Помню, как он радовался каждой добротной строке, каждой мало-мальски значимой публикации.

Потом пошли стихи и, наконец, книги, будто выхваченные из боя, из пламени и порохового дыма. Пусть несколько запоздало.

Этот небольшой сборничек стихов поэта, к сожалению, стал посмертным. Володя Мамаев ушел из жизни весной этого года. Кажется, совсем недавно мы, его друзья-писатели, сидели с ним за тесным дружеским столом, говорили и спорили «за жизнь». Володя, обычно возбужденный и темпераментный в споре, на этот раз был какой-то притихший и грустный, будто знал, что это наша последняя, прощальная встреча...

Ушел как солдат, не оставив огневого рубежа. В книге «Землянка» собраны в основном стихи на тему войны. Но есть у поэта крепкие стихи и о мирной жизни, о тревогах, приобретениях и потерях сегодняшнего дня. Эти стихи являются как бы продолжением его многотрудной, честной и достойной судьбы.

Валентин МАХАЛОВ,
член Союза писателей России.